

И это стереотипное представление ложится в основу ее двойной сюжетной функции в повести: Солоха — мать Вакулы и Солоха — ведьма, подруга черта. Так же и отец Катерины в «Страшной мести», почитавшийся за его долгое отсутствие на Украине изгоем, связанным с нечистой силой [38, с. 43], имеет в тексте повести два прочтения: изменника родины и союзника ляхов, а также страшного колдуна, несущего груз родовой вины.

Однако у Стерна двойственное прочтение одного и того же явления не отменяло самого факта его существования, но лишь подчеркивало его многомерную сущность. Гоголь идет в этом отношении дальше Стерна. Различные точки зрения в объяснении им различных явлений не столько дополняют, сколько снимают друг друга как весьма относительные.

Так, Гоголь, подобно многим другим писателям его времени, постоянно колеблется между реальным и фантастическим осмыслением событий (см. [3, с. 59—133]). А между тем читатель у него не волен выбирать между рациональной и иррациональной мотивировкой (как это было, например, в «Пиковой даме» Пушкина) или совмещать оба представления воедино (как это часто происходит у Одоевского). Мир фантастический имеет у Гоголя подчеркнuto явные параллели с миром реальным, которые обнаруживаются не только внутри одной повести, но и цементируют воедино весь цикл. В описании пекла (ада) в «Пропавшей грамоте» повторяется картина сорочинской ярмарки и рождественской ночи. Черевик, пытающийся выбить зорю «на роже» своей супруги, повторяет действие чертей, которые «тузили себя в щеки кулаками, словно в бубны». Эта же особенность гоголевской поэтики отчетливо отразилась в известном пассаже «Ночи перед Рождеством»: «Чудно устроено на нашем свете! Все, что ни живет в нем, все силится перенимать и передразнивать другого» [28, т. I, с. 204].

Соответственно существование мира фантастического, именно в силу его схожести, чуть не тождественности с миром реальным, ставится под сомнение. Но в той же степени под знак вопроса может быть поставлен и мир реальный, в силу его вторичности по отношению к миру фантастическому. Так художественный универсум выстраивается у Гоголя как гигантская система зеркал, отражающихся друг в друге, где все оказывается одновременно и миражом, и реальностью.

Одновременно Гоголь балансирует и на понятиях страшного и комического. Каждое явление в диканьковском мире потенциально несет в себе и трагический, и комический заряд, так что в системе цикла не остается ни одной абсолютной ценности. Все оказывается относительным и подвижным. С этим связана одна очень существенная особенность поэтического строения «Вечеров»: обилие повторяющихся мотивов, но поданных каждый раз с противоположным оценочным знаком. История клада с ее трагедийным исходом в «Вечере накануне Ивана Купалы» повторяется в комедийном варианте в «Заколдованном месте». Бурлескное плутание героев, которые оказываются не в силах найти дорогу домой (Каленик в «Майской ночи», Чуб в «Ночи перед Рождеством»), превращается в страшную, исполненную мистического ужаса потерю пути колдуном в «Страшной мести». Множащиеся мертвецы в «Страшной мести» перерождаются в ночном кошмаре Шпоньки в множащийся образ жен.

Обратимыми оказываются и сами понятия зла и добра, священного и порочного. Собственно, поведение Вакулы, обратившегося за помощью к черту, мало чем отличается от поведения Петруся, решившего прибегнуть к Басаврюку. Исход обеих историй никак не зависит ни от самих героев, ни от авторского понимания того, что есть нравственная норма. Любое деяние в этом мире оказывается у Гоголя относительным и по исходным посылам, и по результатам. Дед в «Пропавшей грамоте», собравшись сражаться с нечистью, тем не менее легко утешается, завидя в пекле уставленный яствами стол. Вакула, задумав продать душу черту, приходит в панический ужас при виде скромной пищи,